

18+

Леонид Кузнецов

КОМИКС ПРО ТО,
ЧЕГО НЕ БЫЛО...

Часть третья

Леонид Владимирович Кузнецов

Комикс про то, чего не было... Часть третья

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34395617
ISBN 9785449099112*

Аннотация

Помни, все, что ты пишешь, должно быть понятно и близко неграмотному крестьянину или рыбаку. И что это совсем не вранье, если ты наплетешь ему про загробное царство. Просто так сейчас нужно. В это поверят. Потому что в это хочется верить.

Содержание

Шоколад	5
Чего там придумывать? – Все же понятно...	22
Что там за голоса?	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Комикс про то,
чего не было...
Часть третья**

**Леонид Владимирович
Кузнецов**

© Леонид Владимирович Кузнецов, 2018

ISBN 978-5-4490-9911-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Шоколад

– Господи, темно-то как!..., —

вдохнул Ав, и пальцы нервно пробежались по клавишам с тусклой подсветкой. Было и правда очень темно. Естественно, он промахнулся, и по экрану поплыла бессмысленная абракадабра.

– Черт! Чтоб я эту балду еще раз послушал! Серебристый ноутбук брать надо было!, —

услышал он чей-то голос. Вместо своего. Молодой и незнакомый... —

– Красиво ей так видите ли! Вот себе черный и покупала бы!, —

продолжилось чье-то раздраженное брюзжание.

– А ей, это кому?, —

улыбнувшись, поинтересовался Ав, но не услышал себя и с удивлением подумал:

– как-то все не так сегодня. Необычно как-то...

Он еще захотел почесать себя за ухом, но почему-то не смог этого сделать. И вообще перестал понимать, куда подевались его руки.

– Тут, правда, что-то не так, —

повторил он про себя еще раз, но уже на языке, который услышал сегодня впервые. И постарался не испугаться. Напряг шею и попробовал оглянуться. Не получилось. —

– Хотя бы свет могли зажечь, – прошептал он одними губами. – И клавиши какие-то скользкие...

Как бы то ни было, Ав решил не тратить время на исследование того, кто посмел хозяйничать в его сне, и, помня, что окошко в любую секунду может захлопнуться, продолжил терзать Гугл.

С компьютерами Ав познакомился недавно – год назад, – уже после того, как Клавдия Прокула тайком от мужа стала приезжать к ним со своим маленьким сыном. А печатать вслепую научился и вовсе лишь этой весной, когда, наконец, уяснил, а правильнее было бы сказать, запретил себе выяснять, что это за зверь такой – компьютер. Если клавиатура попадалась удобная, не как сегодня, он справлялся с ним легко. Даже с некоторой элегантностью. Вообще же предпочитал большие компьютеры. Ноутбуки не любил. Именно из-за их тесной клавиатуры. Причем ему было все равно, на каких языках печатать, поскольку всю тонкую работу руки проделывали сами, – вот даже сейчас, когда он их совсем не чувствовал, – а всевозможные экзотические наречия, если голову удавалось чем-то отвлечь, удивительным образом оказывались ему знакомы. Он даже знал, каковы они на слух и поначалу пробовал наиболее благозвучные из них запоминать, чтобы, если не обучать им, то хотя бы развлекать ими жену. Впрочем, это занятие ему вскоре пришлось оставить, потому как, во-первых, просыпаясь, он эти языки забывал сам, – с годами память ослабела.

Во-вторых, Мария в пору кормления Анастасии грудью напрочь утратила интерес ко всему, что напрямую не касалось здоровья их дочери. Каждый новый прорезавшийся зуб девочки становился вселенским событием и радовал Марию куда больше, чем восхищенное поклонение толп увечных бродяг, которым еще каких-нибудь восемнадцать лет назад она дарила фиолетовые протуберанцы своих волшебных видений, зажигавшиеся от соприкосновения с безмолвием запредельного. По окончании каждого из этих, мягко скажем, неодобряемых синедрионом гипнотических сеансов, за которые, если бы не заступничество Каифы, ее давно побили камнями, какой-нибудь изъязвленный оборванец непременно обнаруживал себя исцеленным. Несложно представить, что обычно за тем следовало: толпа кидалась целовать ноги своей зеленоглазой богини и прогнать ее можно было только с помощью римских солдат.

Кроме того, в-третьих, Мария была абсолютно уверена в том, что Ав по обыкновению валяет дурака, пытаясь вздорными выдумками оправдать свое вечное безделье, то есть элементарно выпендривается перед неразлучными Гавриилом и Луисом с их бесстыдно влюбленными друг в друга женами – Юлией и Юи, ну и в первую очередь, конечно же, перед расточающей ему медоточивые дифирамбы молоденькой красоткой – Клавдией Прокулой – вместо того, чтобы заняться чем-то действительно полезным, например, подумать о том, где раздобыть денег. Если такой умный. А даже если

и предположить, что муж не врет и действительно научился путешествовать сквозь немыслимое (это он и раньше проделывал, только не корчил из себя Бог знает кого, ведь рядом не было Прокулы!), какой смысл было тратить время на знакомство с тем, чего пока нет? Ни самих языков, ни тех, кто на них когда-то еще заговорит. Если вообще когда-нибудь заговорит...

Ну и, наконец, – напоследок и совсем уж откровенно, – у Марии просто не хватало терпения разобраться в том, как можно прыгнуть через тысячелетие, забравшись в свой или, что еще непонятнее, чужой младенческий сон, который к тому же должен сам к тебе постучаться. Весь этот бред про муравьев она уже слышать не могла! Тем более, что роды были поздние и она всерьез опасалась, что у нее не хватит молока.

Скрипнула дверь, и Ав почувствовал, как по ковру мимо него прошла босая женщина. Молодая, совсем еще девочка. Он и женщиной назвал ее только потому, что, как ему показалось, она была беременна. И вот что: притом, что эту босую он видеть не мог, она показалась ему знакомой. Непонятно с чего. Но правда, она была ему гораздо ближе, чем этот наглый малый с чужим голосом.

– Эх, света бы побольше! Господи, как же у них тут темно!...

Нежная рука поставила на стол, которого перед ним не было!, что-то дымящееся и вкусно пахнущее. Ав потянул носом.

– Пей, пока горячий, любимый, —
ласково приказал ему женский голос, который он точно
уже где-то слышал! —

– Сережа, помнишь, что ты мне обещал?

– А я по-твоему чем занят?

– И чего впотьмах сидишь? Почему свет не зажигаешь?, —
ответа не последовало. – Пей давай!, —

и Ав ощутил во рту удивительный вкус.

– Как же это называется?..., —

попробовал он вспомнить, хотя вовсе не был уверен в том,
что пробовал этот напиток раньше.

– Шоколад, —

с готовностью подсказала ему женщина-подросток и вскарабкалась на чьи-то колени. Может и на его... —

– Сливов в магазине не было. Я на молоке сварила.

– В самом деле беременна, — убедился в правильности своей догадки Ав. – Мальчик у нее родится. И от волос рекой пахнет, как у Марии. Надо бы запомнить: шоколад. Ужас как вкусно!, — беззвучно проговорили его губы.

– Я рада, —

произнесла беременная и ткнула носом в щеку. В его щеку! —

– Я знаю, что у меня мальчик родится. Узи на прошлой неделе сделала. Но все равно спасибо. А ты правда меня еще любишь? Я ведь теперь некрасивая...

– Некрасивая?... Да ты просто страшная стала! И озабо-

ченная, как я не знаю кто. Вот свет и не включаю, чтобы не испугаться, —

довольно странно пошутил отец ее будущего ребенка. —

— Впрочем, на ощупь еще ничего, сгодишься. Рот бы тебе только чем-нибудь заклеить...

— Вовсе я не озабоченная!

— А какая же, если все время готова?

— Ничего я не готова!

— А почему вся в мурашках? Вот даже здесь.

— Потому что руки у тебя бесстыжие. Сам ты весь бессовестный!

— И думать забудь!...

— Дурак глупый...

— Нет, правда, нам, наверное, надо уже как-то стараться... воздерживаться...

— Ничего нам не нужно стараться! Если осторожно...

Ав почувствовал себя неловко.

— Нет, Аська, ты полюбуйся, что делается!..., —

слава Богу, сменил тему молодой человек, вытаращившись на экран из-под ресниц Ава так, что трудно стало моргать. —

— Константинов уже двадцать семь штук нарыл. И даже наш тут затесался. А где, спрашивается, Сергиус Катилина?

Ав чуть не поперхнулся, услышав имя, которое последний раз слышал произнесенным вслух двадцать лет назад, и вперился в экран. Он был в полной уверенности, что кроме Да-

вида, бесследно исчезнувшего спустя год после их памятной встречи в Ершалаимском храме, это имя вообще не должно быть кому-либо известно. Он стал реже дышать и от напряжения даже перестал моргать, от чего глаза сделались сухими и противно зачесались.

– Безобразие! Он что нам приснился?! Хамство какое-то!

...

– А портрет?, – встрепенулась девочка, ища такую позу, чтобы можно было и в экран смотреть, и продолжать при этом щекотать своим ухом щеку Ава.

– Какой еще портрет?

– Ну, тот, что в Третьяковской галерее висит, —

зашевелилась она, устраиваясь на коленях Ава поудобнее.

Впрочем, его ли то были колени?...

– А, собственно, как этот портрет может помочь?

– Не знаю, Сереж...

– Ну и помолчи тогда! Вот тебе бы только ляпнуть что-нибудь! Смотри-ка... Да перестань ты ерзать! Почему опять голая? Тут не жарко.

– Где же голая?!, – возмутилась шоколадница. – Я в твоей рубашке!

– И не думай! Хватит с тебя...

– Я, наверное, и правда уже не красивая...

– А нельзя все-таки про Сергиуса Катилину?! —

затравленно взмолился Ав и странным образом был услышан.

– Да-да, в самом деле, – словно бы извинился перед ним мужской голос. – Вот же я ищу... Да сиди ты спокойно! Только никак не могу найти... Элазар – пожалуйста. Тот самый, придуманный... Аж на трех страницах! Что такое? И даты жизни имеются?, —

изумился тот, кого поившая вместе с Авом шоколадом озабоченная беременная особа называла Сережей. —

– Ну ты смотри, какие молодцы!... 47—13 до рождества Христова. – Как любопытно!... Странно только, что об ордене его имени ни слова. А столько крику было о Мучениках Элазара... А-а! Все понятно: или рождество Христово, или Воины Элазара. Выбирать надо было что-то одно... Удивляюсь тогда, что об Элазаре вообще упоминают. Неувязочка вышла. Это они зря.

– А что такое?, —

поинтересовалась беременная родственница Ава, настолько далекая, что думать было страшно! И такая близкая, что он понял: Аська – это уменьшительное от Анастасии. Сердце сдавило и стало трудно дышать.

– Да так, —

бодрым голосом ответил ее невидимый собеседник и легко пересадил ее с одного своего колена на другое. —

– Аккуратнее за собой подчищать надо. Зачем же повод давать? Мифотворчество – штука деликатная. Когда два виртуальных мифа сталкиваются, взрыв случается самый что ни есть реальный...

У Ава закружилась голова. С ней вообще сегодня происходило что-то странное: она не просто кружилась, она словно бы... раздвоилась. И каждая из его голов, кажется, собиралась жить собственной жизнью. Оно бы ничего, но первая, главная голова, принадлежавшая Аву, не знала, о чем думает вторая. Очень хотела знать, но не могла. Вторая, не очень-то ему уже и принадлежавшая, наоборот, отлично знала, что варится в первой, но ей странным образом было на это наплевать. Эта вторая голова определенно отказывалась называться головой Ава и вообще иметь к нему какое-то отношение. Вот только что он еще мог приказать ей думать то или это, а теперь она вдруг стала чужой. Не злой и не плохой, а просто неподвластной ему. Не его головой! И уносила куда-то в немыслимую, пугающую даль, откуда не бывает возврата. Где не только времени, а вообще уже ничего нет. Долго-долго нет. Ничего. Пока не встанешь на твердое...

— Но ведь она есть!, —

пожаловался кому-то Ав. —

— У нее мое лицо. И тело, кстати, тоже мое.

— А вот ты и не прав, —

ответил ему непонятно кто, может и он сам себе. —

— Тело у нее как раз свое. В том-то и проблема... Вот только что оно у нее появилось! А ты...

— Что?

— На себя посмотри. У тебя-то самого есть тело?

Ав задумался. Он по-прежнему не чувствовал своих рук.

И не только рук. Он вообще уже ничего не чувствовал.

— Вот и я про то, —

продолжил мучить его неизвестный с голосом Иосифа. —

— Ты сам-то вообще есть? А что, если он вернется домой раньше тебя?... Сядет с Марией за стол. И остальные на ужин сбегутся. Начнут с ним разговаривать. Смеяться над его рассказами про даты жизни Элазара и черный ноутбук. Еще про этот, как его?... — Шоколад. Не боишься, что они его за тебя примут? Ты что думаешь, он ведь запросто их уболтает.

— Хочешь сказать, что он задурит им головы так, что они даже не заметят подмены?

— Зачем же задурит? И о какой подмене ты говоришь? Он как раз настоящий!

— А я по-твоему какой?

— Ну, тебе лучше знать. Это ты у нас умный.

— Так это что же получается?... Что я уже не настоящий? Или, может быть, что я... не вернусь?

— Уже теплее, —

продолжил издеваться... А, кстати, кто все это говорил? Чей это голос? — Правда, что ли, Иосифа?...

— Ну так и что они о нашем сказочном персонаже пишут?, —

остановил поток испуганного бреда Ава владелец ноутбука. —

— Угу... Обличал царя и предсказывал скорое рождение

Мессии... Это мы уже где-то слышали... За что по приказу Ирода был схвачен и обезглавлен. А вот это – новость. Михаэль уверял меня, что его распяли. Это, наверное, потом уже подредактировали. Надо бы ему сказать. Раскрыть, так сказать, глаза, он ведь у нас известный правдолюб.

Ав поймал себя на том, что не в состоянии определить, кто именно произнес последние слова про правдолюбца. – Не он ли сам? Не его ли голова? Пусть и чужим голосом.

– А разве голова может разговаривать? – опять продолжился идиотский диалог. Теперь с самим собой. Уже без Иосифа.

– Почему бы и нет, ведь у нее есть рот.

– А которая все-таки голова?

– Ну, первая, наверное... Какая же еще? Второй ведь здесь больше нет. Она, должно быть, уже проснулась. В самом деле, не этот же «Сережа» говорил сейчас о Михаэле. В интернете о Михаэле он точно ничего прочесть не мог! Он – не я. В нем нет ни капли крови Юлиев! Как же он тогда вспоминает? Да еще от моего имени...

– А действительно, отрезанная голова – интереснее будет, – снова раздался в ушах Ава голос человека, который родился спустя две тысячи лет. – Колоритнее. Так... Народ почитал за святого... Господи, какой еще народ? Знаю я этот народ! Вместе с ним груши в храме лопал. Груши у этого «народа» очень вкусные тогда в корзинке оказались. Кажется, мы с ним еще вино пили... С этим народом... —

Ав покрылся холодным потом. —

— Или все-таки я?... Странно, и он, и она, и тот, кто у них рождается — это все я. Но ведь ребенок у нее в животе совершенно нормальный растет! Ничего не понимаю... И это буду я через две тысячи лет? Интересно, а как они меня назовут? Этот уже и мое имя украл... А правда нормальный? — Да вроде... Только совсем маленький еще...

Чьи-то пальцы быстро защелкали по клавиатуре.

— А-а, вот! Нашел!, —

обрадовался Сергей. —

— Тайный орден... Чрезвычайно мало сведений... Последнее упоминание... Испания... Восемнадцатый век... Так называемый «Арагонский архив». Переписка Клавдии Прокулы с Марией Магдалиной и неизвестным раннехристианским пророком. Документы утрачены. Скорее всего миф...

Ав услышал, как говоривший отхлебнул из чашки. Странно, вкуса шоколада он больше не ощущал.

— Угу. Значит мы так? Значит миф?... Ну ладно, хоть так о нем вспомнили. И на том спасибо. Интересно, а кто автор статьи? Написать ему, что ли, где он мог бы на портрет этого «неизвестного раннехристианского пророка» взглянуть?...

— Раннехристианского... —

эхом повторил, стараясь запомнить трудное слово, Ав и вдруг насторожился. Ему было вовсе не наплевать на то, что кто-то невозможно далекий, кого еще нет!, говорит сейчас вместо него, причем говорит о нем, об Аве, чуть ли

не как о самом себе, но... Стало ясно, что уже какое-то время, тщательно скрывая это от себя, он ищет способ увидеть... того, кто совсем рядом... молча... словно тень... даже не поймешь – где... то ли за спиной, то ли... —

– И девочка моя куда-то пропала!, —

испуганно пожаловался Ав в пустоту чтобы только не молчать. Сердце заколотилось. —

– Вот досада! Ведь мог бы ее расспросить. Она вроде как слышала меня... Проклятие, даже не заметил – когда ушла! ... Какая же она озабоченная? Видели бы они Марию...

Помолчал, успокаивая дыхание. Появился нехороший свист в ушах...

– А почему, собственно, мне понадобилось что-то от себя скрывать? Что я в самом деле?... Еще эта глупость с двумя головами, как будто нет других развлечений!... Вон, хотя бы про Каифу мог спросить. Или про Натана... А почему я вдруг вспомнил про Натана? С какой стати? Жили как-то без него...

Ав отчаянно пытался выиграть время, заговаривая самому себе зубы и все равно покрылся нехорошей испариной. Он понял, что переиграть страх сегодня не получается. Перевел дыхание лишь когда после долгой паузы Сергей заговорил снова. На сей раз его голос показался ему даже приятным. Просто язык, на котором он говорил, Ав слышал сегодня впервые. Не привык еще к нему.

– Так, ладно... Будем считать, что мне все это присни-

лось и никакого Сергиуса Катилины в природе не существовало... Водку в самолете пить — это, конечно, неправильно... А можно подумать, что оперировать сутками без сна — очень правильно! Черт, и аспирин закончился... А в самом деле, что там Каифа? Не понял, а кто такой Натан?... —

Ав уже не соображал, кто и зачем вбивает гвозди ему в мозг. Тот, у кого закончился аспирин или кто-то еще? Хуже всего, что он действительно начал мерзнуть.

— Плохой знак, —

прошептали его губы. —

— Только бы кровь сейчас ни у кого не полилась! Только бы сейчас никто не поранился. Ужасный знак! Тогда мне совсем худо будет. А правда, что там Каифа?, —

схватился он за соломинку в надежде все-таки отбиться от этой гадины. —

— Какая сволочь его тогда убила? Вроде бы со всеми умудрялся ладить старик... Господи, ну куда же подевалась моя голова?! Как я без нее вернусь? Что Марии скажу? Она ведь спросит...

Впервые Аву захотелось проснуться самому, а не ждать, пока неизвестно чей младенческий сон его отпустит. Но, странное дело, не то, что проснуться, он и пальцем пошевелить не мог. — До такой степени заоченел от холода. Словно тот, кто прятался за спиной, уже взялся за свою мерзкую работу...

— Господи, кого здесь только нет!..., —

пробился сквозь его страхи молодой мужской голос, говоривший от его имени где-то безумно далеко и на языке, который Ав даже не пытался сейчас запомнить, потому как не до того было: безумие навалилось слишком властно и внезапно. Оно было все в омерзительных коричневых потеках, с дрожащими прожилками, грязное и липкое. А главное, вело себя оно небывало агрессивно. Возможно потому, что напало не в одиночку: у него сегодня был союзник – тот, что прятался за спиной. Когда эти двое приходили к нему порознь, Ав не сильно беспокоился. Во всяком случае не паниковал. Напротив, он заставлял себя обрадоваться и сам делал шаг навстречу, помня наставления Иосифа, что «дверь в бездну, если ты не скотина безмозглая, открывается Тем, кто лучше тебя соображает, что и как с тобой нужно делать. И только с доброй целью – разбудить тебя, идиота!» Но сегодня...

– Вот этого, помнится, мы вместе с Луисом придумали, — осуществлял тем временем свои мозголомные блуждания в воспоминаниях невидимый хирург, который, вполне возможно, и поделился с Авом своим неочищенным сумасшествием, облегчая тому, кто прятался за спиной, решение его дьявольской задачи.

– А может вовсе и не дьявольской?, — подумал Ав, пытаясь успокоить себя. Не очень, правда, успешно... —

– Ведь никакого Дьявола нет. Так ведь?... Сам же гово-

рил: там, где дураки позволяют пугать себя Дьяволом, Бог превращается в деда с бородой...

— Точно, лет пятнадцать назад мы его придумали, —
вновь послышался голос хирурга. Теперь откуда-то изда-
лека. Уже не из глаз Ава... —

— Шутки ради Элазару сына придумали. Первого муче-
ника. Мария ему еще очень смешное имя подобрала, по-
чти неприличное, ну просто ужасно несолидное, только чтоб
разыграть Михаэля. И ведь купился, простофиля. Понес
к своим наш липовый пергамент. Даже Натан не сразу рас-
кусил... Но все равно сделал его большим начальником.
Чуть ли не своим заместителем или кем там еще...

Оставшаяся при Аве тоже уже почти чужая голова стала
строить ему рожи. Вот совсем не смешно!...

— Кто знает, — все тише и тише говорил хирург. — А может
он правильно сделал, что не пошел в первосвященники или,
того смешнее, в Мессии?... —

Голос стал едва слышим и сделалось жутко. А холодно или
нет — уже непонятно... —

— Ну да! А вот этого придумал Каифа. Или тот — с роди-
мым пятном?... —

Ав понял, что сейчас случится... Потому что холодок уже
бежал по спине. Знакомый холодок.

— Господи, как всегда не готов... А потому, что каждый
раз по-другому! А может и пусть?... Сил уже не осталось.
Лишь бы не долго... Сейчас начнется... Ну что тянешь, сво-

лочь?! Господи, где ты там?! Давай уже! Правда же – сил нет! —

и впервые закрыл глаза. —

.....

Ничего не происходило. И Аву было уже неважно, что там с его головой...

– А почему так тихо?... Господи, уже тошнит... Когда?

.....

– А вот и не страшно... Правда ведь? И почему Марии никогда нет рядом, когда она нужна?! Плакать, наверное, будет, бедная... Неправда – никогда я не был сильным. Не ври..., —

сказал он кому-то напоследок, и его уставшие глаза сделались огромными. И совершенно черными...

Где-то очень-очень далеко беззвучно треснуло толстое стекло, и все прекратилось. Вообще все. Больно не было. Просто Мария слишком громко хлопнула дверью. Или это Гавриил? Уже не разберешь...

– Чем это пахнет? Яблоками что ли?

– Какими еще яблоками?! – Фиалками, идиот! Как можно спутать?

Кто это сказал?...

Чего там придумывать? – Все же понятно...

Обморока, слава Богу, не случилось. Кошмарный сон прекратился сам собой. Ав осторожно отдышался и осмотрелся. Ну так, на всякий случай. Да, вроде бы все в порядке. Можно не волноваться. Он дома. Вернее возле него. Рядом с домом Гавриила. Теперь ведь они все жили здесь. Уже скоро семнадцать лет. Одной семьей. А что – дружно жили. Хорошо, что хоть Гавриилу хватило тогда благоразумия не промотать все деньги, которые добыл для него начальник тайной стражи. А то мыкались бы сейчас бездомные. Жалко, конечно, что из Магдалы пришлось уехать. Ну хоть год пожили как цари. И Мария развлеклась на славу. Теперь уж не вспоминает, а поначалу столько было слез. Мраморный бассейн ведь отгрохали! И башню водонапорную для города достроили. Канализация, статуи, шикарные угощения паломникам, стекавшимися отовсюду за чудом. А все та тысяча талантов, которую Ав позволил Давиду взять из склепа великого цезаря, когда вместе с ним ездил смотреть, как Рим встречает Константина. Господи, как давно это было!...

Нет, правда, как все-таки хорошо на свежем воздухе! И солнце уже не такое горячее. Похоже, к вечеру дело идет. А небо... Такое синее! Бездонное... И где-то на невозмож-

ной высоте птицы летают. Маленькие живые точки. Ав так и не научился их различать. Ну, сову от сойки он, положим, всегда мог отличить. Сову он ни с какой птицей не спутает. Или журавля. А что это точно – сойка, а не какая-нибудь иволга или еще какая-нибудь мелочь, ручаться уже не может...

Бывает ли что-нибудь вкуснее запаха жареной рыбы? Вдобавок еще если слышишь родные голоса. Юи, кажется, в саду смеется... Не угадал: это Юлия. Только она умеет так смеяться. До слез. За этот смех Юи ее и полюбила. Ну, не только за смех, конечно... А вот это – уже Мария. Точно, рыбу жарит. Что, опять Луис куда-то пропал?

– Так он же еще с вечера сговаривался с Гавриилом на весь день уйти на рыбалку. И что она меня все время муравьями попрекает?

Мысли Ава плавали в пустоте, как те два маленьких облачка, за которые зацепился его взгляд. —

– Я уж сто лет про муравьев не вспоминаю.

Было хорошо и ничто не болело. Сначала подумал было, что мигрень начинается. Но нет, обошлось.

– А с двумя головами это, конечно, сегодня сильно вышло. Ужас ведь, как испугался. Думал – все, конец пришел. Как та девчонка сказала, – шоколад? Чудно, а ведь запомнил. И даты жизни Элазара... Нет, даты забыл. А вот что ему голову отрезали, это я Михаэлю обязательно скажу, когда придет. Обещал вроде к воскресенью...

Ав блаженно зажмурился. Как приятно было вот так – свободно развалиться на лавочке под старым платаном и ждать, когда Мария позовет всех ужинать. Дышать полной грудью и знать, что ничего плохого не случится.

В принципе, ничего страшного не было в том, что Ав закрыл глаза. Просто думать после этого он начал по-другому. Впрочем, тому, что стало с ним происходить, трудно подобрать подходящее слово. Ну а как еще сказать? – Все-таки думать, наверное. Так будет правильно.

Кому и что он в такие минуты начинал доказывать? Точнее даже не он. Ав ведь только говорил за него... Не то, чтобы глупая привычка, но, правда, какая-то странная... И Мария ругается, когда он сам с собой начинает спорить. Дураком сумасшедшим обзывает. А в самом деле, зачем все время пережевывать то, что он все равно никому потом не рассказывает? Хорошо, если не забывает. Честное слово – как будто к лекции готовится. В какой-нибудь Афинской школе...

– Конечно, обидно, что Мария не может с тобой путешествовать! Еще бы не было обидно! Но тут уж ничего не поделаешь... Тут вот какой вопрос: – она не может, или не хочет? А может просто боится? – Нет, похоже, и правда не понимает... Хотя, что тут понимать? Что вспомнить любой из нас может не только свой, но и чужой сон? – Так это даже нетрудно. Тут и уметь нечего. А потом, что значит – свой или чужой, когда дерево и муравей, и ветер это все – я? Даже ты,

сумасшедший идиот – тоже я. И пока ты этого не почувствуешь, не смей лезть в то, что действительно сложно! Даже и не заикайся про Бога, самого этого слова не произноси, если слепой уродился! Иди лучше овец паси. Овцы обожают про Мессию послушать. И про деда с бородой...

Ав на минутку умолк. Только глаза бегали под веками. А как все-таки точно он копировал его голос. Михаэль однажды услышал, прямо обомлел. Даже испугался от неожиданности.

– Да нет же, не подглядеть, тупица! Ты меня совсем, что ли, не слышишь?! Разве я про то с тобой говорю, как без спросу забраться в чужой сон? – Нет же, – именно вспомнить. Разве это одно и то же? Какой ты тупой сегодня! Большой вырос, а ума совсем не нажил! Подглядеть ты можешь только сегодняшний сон, а вспомнить – уже и тот, который кто-то другой, ну... скажем, этот твой Луис увидел много лет назад и который он тогда же позабыл. Который вообще ничего для него не значил, когда он его смотрел. И не мог что-либо значить!

Ав даже покашлял. Как его старый учитель.

– Как? – А вот так! Ну в самом деле, вот ты в двухлетнем возрасте спишь и видишь во сне сорокалетнего дядьку, вбивающего в пустые головы прыщавых юнцов, у которых на уме одна любовь, какую-нибудь мудреную платоновскую идею. И что тебе с того сна? Ну вот что ты, двухлетний дурак, можешь в нем разобрать?! – Да ничего ты там не пой-

мешь! Для начала, ты даже не узнаешь в этом сорокалетнем умнике себя.

С кем говорил сейчас Ав? Кому и что он доказывал? А ведь иногда ему начинало казаться, что с ним действительно разговаривает Иосиф. Случалось, Ав с ним не соглашался. Тогда и впрямь похожий поведением и темпераментом на Иосифа воображаемый собеседник кидался его переубеждать. Это еще ничего, но ведь он начинал ругаться. Причем громко и не всегда хорошими словами. Это когда Ав не мог понять что-нибудь сходу. Ну точно – в стиле Иосифа.

– А ты лучше помолчи и послушай умного человека! Господи, да что с тобой разговаривать, с идиотом?!... В общем, ты не можешь помнить тот сон. Он не для того тебе, двух-летнему, показывался.

– Мне или Луису?, —

осторожно уточнил Ав. —

– Ты чем слушаешь, дубина?

– Да я просто спросил...

– Кретин! Луису, разумеется. Кому же еще... Так вот, этот сон твоему Луису показывался не для того, чтобы он его запомнил или что-нибудь в нем понял. Тем более, что речь в том сне шла не о нем, а о тебе.

– Как это может быть?

– А вот так! Не бывает у младенцев чужих снов. Они все одно и то же видят.

– Бога?

– Какого еще Бога?! Не перебивай меня! Просто однажды, когда тебе, дураку, стукнет сорок, и богатенькие идиоты заведут моду отсылать к тебе в Афины своих оболтусов, чтобы ты учил их там всяким глупостям, во время лекции тебе напечет голову или я не знаю, что там еще с тобой случится...

– Я с тряпкой на голове хожу. Мне не напечет.

– Еще раз меня перебьешь, по шее дам. Короче, напечет солнышко твою дырявую башку и ты вдруг почувствуешь, что всех этих дебилов уже здесь видел. Когда-то очень давно.

– В том...

– Вот именно – в том самом сне. В младенческом! Тебе станет ясно, что всех до единого ты их прекрасно знаешь.

– Кого?

– Ну, этих... – Твоих сегодняшних студентов! И даже вспомнишь, что сейчас вон тот сопляк с мутными глазами, который всю ночь куролесил в кабаке с портовыми девками и которому твоя наука нужна как телеге пятое колесо, через минуту заснет и свалится со скамьи. И все станут громко смеяться. А ты, если не будешь олухом и не проворонишь удачу, постарайся залезть поглубже в тот самый сон, в котором якобы случайно сейчас оказался, и досмотреть, что там дальше происходило... Да какая тебе разница, идиот ты – безмозглый, чей? Твой это был сон или чужой?! Что ты ко мне пристал? Сколько раз можно повторять, что ничего чужого не бывает?! Если только ты не баран и не бревно! Потому что в этом случае вокруг тебя все действительно бу-

дет чужим. И тогда самая тебе дорога – в синагогу. В пастыри. Господи, ну одни идиоты кругом! С кем приходится разговаривать...

Ав два года учился тому, как входить в свои, а позже и в чужие младенческие сны и смотреть на то, чего еще нет. То есть в будущее. И много чего в этих снах увидел. Больше всего он полюбил читать книжки, которые еще не были написаны, но этому, понятно, он учился уже не два года. И при этом еще сокрушался, что уродился бездарным!

Заметим, про бездарность это не Иосиф ему внушил. Ав действительно о себе так думал, завидуя легкости, с какой Марии и Михаэлю даются всякие науки. Вот они были по-настоящему талантливо и взмывали на уроках так стремительно и высоко, что дух захватывало! А он... – Собственно, почему и пришлось придумывать для себя особые правила, соблюдение которых со временем сделалось привычкой. Первое: ступенька, на которую ты вчера забрался, является полом, ровной утрамбованной землей, с которой ты сегодня продолжишь восхождение. И второе: никакого «потом» не бывает. Если ты сказал себе – «это я додумаю или доделаю завтра, потому что у меня сегодня болит голова и вообще я устал», – значит ты сволочь и урод последний. Пойди лучше и сдохни, чем назови себя в этот момент человеком. Ибо ты никто, хуже червяка! Ты дрянь, которая смотрит грязные сны про Марию, вран и, вообще, Богу тебя любить не за что! С какой стати тебя хлебом сегодня кормить?!...

Так вот, поначалу Ав читал все подряд. Был период, когда он увлекся историей. Продолжалось, впрочем, это недолго. — Пока он не понял, что, во-первых, правду в этих книжках не писали никогда. Даже когда знали ее. А во-вторых, что никого такие книжки, даже самые умные из них и красиво написанные, ничему не научили.

Про религии он перестал читать еще раньше, когда убедился, что все они за редчайшим исключением придумывались исключительно для того, чтобы слабого, — даже не оступившегося или больного, а просто слабого, не сделавшего еще в своей жизни ни одного самостоятельного шага, — превратить в безвольного раба, а сильному — так просто задурить голову и запретить ходить разогнув спину. После чего и того и другого, связав обоим руки загробными страшилками и подробно рассказав, кто из них в чем виноват, сделать послушными слугами царей. Другой цели, которую преследовали бы создатели религиозных мифов, он не обнаружил.

Да, про Бога во всех долгоживущих религиях он не нашел ничего. Вернее нашел: каждая из них у ворот своего храма раскладывает невидимые рогатки, препятствующие появлению у загоняемых туда доверчивых простаков самого желания увидеть Бога. А ведь даже Мария, с годами избавившаяся от идиотской экзальтации и начавшая что-то соображать, искренне полагала, что опьянение маковым отваром перегретой эмоции как раз и станет той верой, которой спасутся евреи и все прочие народы. Что уж говорить о людях попро-

ще, вроде бешеных элазаровцев, готовых за своего Бога, которого они никогда не видели, убивать!...

Оно, конечно, понятно, и Константин здесь сто раз был прав, что только с помощью магического бича и красивого, тщательно выверенного ритуала можно загнать испуганного человека в стадо, которое под задушевные разговоры само начнет строить для себя удобные и чистенькие скотобойни. Действительно, лучшего способа не придумать. Главное, случайно не проболтаться, что, опившись сладкой эмоцией и обнявшись в любовном экстазе со всеми несчастными и убогими, в принципе невозможно приблизиться к Богу, потому что это совсем другое. Верить в Бога, как верили в Него Каифа и даже Мария, и реально Его увидеть – совершенно разные вещи, хотя и то, и другое осуществляется одним и тем же нервом. И разница лишь в степени трезвости. Или честности. Даже не храбрости, а именно честности. Храбрый ведь может испугаться, и тогда ему конец. А спокойный, случается, выходит на безопасный путь божественной игры, в которой невозможно проиграть, потому как проигрывать там уже нечего.

Нигде в этих книжках Ав не прочел о том, что вспомнить Его, а потом тихо, без всякой помпы стать Им, раскрыв в себе свою высшую природу, может только тот, кто испытывает потребность дышать чистым воздухом. И вообще это большая роскошь – заниматься подобными глупостями, когда кругом голодные варвары. Так что жри что попроще. И нече-

го народ с правильного пути сбивать! Народ, он ведь никогда не ошибается. Он все понимает. Он всегда прав. В общем, начитался Ав всего этого.

Да, конечно, варвары... А помогло? Сначала одни пришли – с севера. И великая Римская империя рухнула. А когда-то придут и другие, еще более дикие и голодные – с востока... И вот ведь какая странная закономерность: самыми безжалостными всегда являются те, что, ведомые высокодуховными сказочниками, грабят и убивают во имя нарисованного Бога. Причем у наиболее примитивных народов свой дед с бородой почему-то всегда оказывается лучше и добрее, чем у сытого соседа. Самым правильным. Вот пусть и другие тоже живут правильно. И делятся своим богатством. А кто не захочет, того в огонь! Потому что так велит Господь! В общем, все эти книжки, сочиненные сильно позже, были написаны совсем не про то, что обещали их обложки.

Когда Константин предложил Аву стать чем-то таким, что спаяет вокруг его имени несметные толпы, указав целым народам новый путь, мальчишка заявил, что становиться императором или Мессией не желает. И потому, что не чувствует себя таковыми, как бы ни было это увлекательно и приятно. И потому, что никакой радости не видит в том, чтобы врать. Пусть даже Мария, если узнает, за этот его отказ и назовет его трусом, дураком, сволочью или ничтожеством. И выйдет замуж не за слабака и предателя, а за Михаэля, который вряд ли упустит шанс «осчастливить» народы. Хотя,

конечно, Ав нисколько не осуждает Константина. Ведь другого пути действительно нет. Если нужно что-то там спасти или чему-то противостоять... Просто есть то, и есть это...

Константин понял и отстал. А начальник тайной стражи до самой своей смерти доставал Ава. Слава Богу, что Каифа так и не узнал о существовании «неизвестного раннехристианского пророка». Этот бы прилип так, что не отвертишься...

Вот, собственно, почему Ав, спустившись с Давидом в секретную комнату фамильной усыпальницы и пощупав тяжелые слитки, на каждом из которых был выбит герб Юлиев, возвратился домой. В Магдалу. К своим. Навсегда. Никто тогда даже и не поинтересовался, где он пропадал столько времени. А ведь правда, требовалось лишь пяток фокусов показать на людях, причем несложных фокусов, которые он и так уже показывал, только не как Мария, не перед толпой. И позволить восторженным зрителям омыть слезами его ноги, называя своего нового царя всякими красивыми словами. Ну разве что швырнуть в толпу что-нибудь вкусненькое и сильнодействующее, вроде того, чем Мария осторожно уже начинала ее заводить. Да что там Мария! – Вон Каифа с Иосифом, так даже те про любовь уже почти открыто говорили. Чего там придумывать? – Все же понятно...

Что там за голоса?

Ав сидел на лавочке с закрытыми глазами, а Мария все не звала и не звала ужинать. Еще Иосиф куда-то запропастился. Вот взял и исчез! Нашел, когда бросить... И вспомнилось детство. Да так живо, сладко! Давно не вспоминал...

А в самом деле: кто-то живет будущим, другой – прошлым, а этот умирающий на скамеечке в общем не старый еще человек всегда жил настоящим. Парадокс, притом что Ав последние пятнадцать лет чуть не ежедневно заглядывал в завтра, – и в какое далекое!, – будущего для него не существовало. Буквально! Он его не знал, имея дело только с остановившимся сейчас. И завтра к нему никогда не приходило. Собственно, поэтому он его и не боялся: оно не грозило принести с собой неприятности, ведь его же не было. Всегда и во всем царствовало неизменное «сейчас»! Глубокое и вечное. Радостное и знакомое... Любое открывающееся новым утром «завтра» естественным образом растворялось в этом «сейчас», превращаясь или возвращаясь в «сегодня» и органично в него вписываясь. Обнаруживая себя еще одной гранью «всегда». От начала времен существовавшей. На которую раньше ему просто не приходилось бросить взгляд. И поэтому отношение ко всему, что удавалось подсмотреть из так называемого «завтра», у него было соответствующим. Как бы это лучше сказать – будничным, что ли.

Ну да – будничным. И незнакомым это «завтра» было для него лишь по недоразумению. Просто забытым. Впрочем, нет, не забытым. Вот ведь – вспоминал его...

Ава вообще трудно было чем-то удивить. Например, знакомство с компьютерами прошло без каких-либо вскрикиваний и размахивания руками. Можно даже сказать – прозаично. Оно не сбило его с ног. Наверное, потому, что он уже и не к такому был готов. Не такое видел. Или вспоминал?... Другое дело, когда лет тридцать назад он что-то там у себя напутал и чуть не попал под колеса мчавшегося на него автомобиля. Это был один из его первых опытов. Тогда он только начинал учиться работать с младенческими снами и все шло неплохо, пока не намешал в чистый эксперимент такого, что смешивать ни коим образом не следует. И дуром забрался в сегодняшний сон Марии. Промазал. Они уже два года, как перестали купаться втроем в той бочке с корабликом. И тут он снова увидел ее ноги. И не только... Она пришла на озеро искупаться. И велела им с Михаэлем присмотреть за другими мальчишками, чтобы никто из них не вздумал подглядывать. Тогда еще Ав не построил купальню с раздевалкой. Это уж он потом сообразил. Но как же она изменилась! Какой прекрасной стала! Взрослой и запретной. Желанной! Недостижимой... – Запретной и недостижимой? Но этих слов он не знал! Вот тогда все и началось. Вернее закончилось...

Стыдно, конечно. Ужасно стыдно вспоминать. Даже сейчас. Но вот почему-то ж вспомнил. И голые коленки, и все то,

что за этими подглядываниями последовало... Нашел время для подобных воспоминаний, честное слово!...

Что касается машины, которая чуть его не переехала, — Ав в тот день так и не понял, что произошло. Что именно он увидел? Главным образом потому, что элементарно испугался. Решил, что Бог хочет его убить. Что наказывает за Марию. Ну, в общем, было за что убить, если честно. Он и не спорил. Перегнул палку. А может просто где-то ошибся? Неделю проболел, как-то пережил этот ужас и... продолжил учебу. А что ему было терять? Тем более, что Иосиф предоставил троим своим любимым и на тот момент уже единственным оставшимся у него ученикам полную свободу. Он позволял им любую вольность, запрещая лишь превращение в «безмозглых баранов, повторяющих за идиотами всякие нелепости». Иосиф приходил в бешенство, когда от сына или Марии слышал, что то или это сказал Бог, потому что так, видите ли, написано в Торе.

— Тебе что, кретин,

гневно размахивая палкой, орал он на Михаэля, —

— Он сам это сказал?!

— К-кто?, —

от страха начинал заикаться Михаэль, понимая, что «учитель философии» — та страшная палка — сейчас обрушится на его голову.

— Бог!! —

истошно вопил раввин, брызгая слюной. —

– Ты не мой сын! Ты родился от осла. Вон отсюда! Три дня без обеда! —

Марию Иосиф никогда не бил. Много раз замахивался на нее палкой, но она мгновенно оказывалась под столом. (Какая уж тут гордость?) Так что она не познала этой радости. А Михаэлю частенько доставалось.

Один раз Иосиф замахнулся и на Ава, но палка в его руке вдруг сломалась. Сама собой. И рука при этом как-то странно повисла. Должно быть, он ее вывихнул, слишком резко подняв. И больше уже не замахивался, чтобы случайно не повредить себе что-нибудь еще. Да и поводов драться Ав Иосифу не давал. Он все больше молчал. И спал.

Вот именно – спал! Чтобы научиться открывать свои и чужие младенческие сны, когда это нужно ему, а не ждать, когда этого захочется им, Ав погружал себя в особенное состояние – не то, чтобы сумеречное, но что-то вроде... Словно бы он есть, и нет его. Как губка, лежащая рядом с водой. Она вроде бы сухая и мертвая, но стоит только... И тогда сны сами начинали его искать. Им просто некуда было деваться. Он ловил их на живца. Был период, когда он практически уже стал жить во сне. Ходил и спал на ходу. Иосифу не раз приходилось возвращать его в чувство подзатыльником. Словно идиота какого.

А Мария, увидев однажды у сарая Ава со спящими широко открытыми глазами, подбежала к нему и поцеловала в губы. Она не знала, что Михаэль стоял у нее за спиной и все ви-

дел. Долго так целовала... Мокро. Не для того, чтобы посмеяться над Авом, а потому, что раньше она в губы не целовалась, притом что очень хотелось, вот и попробовала на идите. Так вот, Ав этого поцелуя не заметил. И когда Михаэль рассказал ему о случившемся – он не поверил. Но покраснел. И, когда увидел на озере, какой теперь стала Принцесса, про чужие младенческие сны забыл. Сбился с пути истинного и стал смотреть про Марию ее сегодняшние нехорошие сны, после которых оба до обеда ходили с красными ушами и прятали друг от друга глаза. Так что Богу было за что его наказывать. Очень даже было!...

Однако, вовсе не машина отвadiла Ава лезть куда не следует. С автомобилем он в конце концов разобрался и просто стал работать аккуратнее. Погорел он сильно позже: когда схлопотал от Юлии пощечину. Ни за что. Подумаешь!... Как будто он ничего подобного раньше не видел... То есть ему, конечно, было интересно, очень интересно, почему и потерял осторожность. И ведь он не в первый раз за ними подглядывал. Просто в тот раз решил подойти поближе. Чтобы разглядеть все получше. Вот Юлия его и застукала... Каким-то образом учуяла. Это во сне-то! А как его было не почувствовать, когда он чуть не на постель к ним забрался... Утром, перед завтраком заехала ему со всего маху по физиономии. Дура сумасшедшая!... А Юи, когда Юлия ей все рассказала, ужасно рассердилась и пообещала добавить. Даже вовсе пообещала его зарезать, если Луис с Гавриилом что-нибудь

узнают... И вообще, это не его собачье дело! Так и сказала, мерзавка, – собачье! Он ее, можно сказать, от смерти спас, когда ей камнем в живот попали! И потом еще два раза, уже в Магдале... А она – собачье!... Еще и зарезать грозилась... Да все знают, чем они там занимаются! По лицу зачем бить? ... Юлии, конечно, от мужиков досталось. Да и китайке тоже. Элазаровцы ее однажды подловили... Поэтому с мужчинами у них не гладко складывалось. А природа свое требовала. Но драться зачем? Мария же не дерется, а там не просто подглядывание было...

Правда, до сих пор стыдно. И больше всего за то, что Михаэлю они так ничего и не рассказали... Но он сам виноват! Никто у него Марию не отбивал. Ослом не надо быть! И нечего корчить из себя несчастного! Сам во всем виноват. Вот именно!...

Ав понял, что больше не слышит запах жареной рыбы потому, что никто ничего не жарит. И вообще, что сейчас никакой не вечер, а давно уже ночь. Но сделал вид, что так и надо. Что все в порядке и ему все равно, жарит Мария рыбу или нет. И что ему совсем не хочется узнавать, куда это все подевались... Он поспешил снова спрятаться за воспоминания, чтобы не так сильно тошнило. Потому что начали мерзнуть плечи, а ног он уже давно не чувствовал...

Кстати, он ведь вполне серьезно говорил, что научиться видеть будущее можно и быстрее, чем за пару лет, если, конечно, не быть таким ленивым и бесталанным, как он.

Но Михаэлю и Марии его игра в сны интересной не показалась. Оно и понятно, они играли в пиратов и, между прочим, давно бы уже приняли Ава в свою компанию, если бы не все эти его болезненные завихрения. А болел он не только снами.

Заставить плавать кораблик в бочке с водой... Быстро так плавать... И причем не глазами велеть ему... Это ведь Ав научил Марию. И она так смеялась, счастливая, когда получилось! А вот Михаэля научить он не смог. Уж слишком сильно тот хотел, чтобы кораблик его слушался. Даже ударил его. Чуть не поломал. Михаэль всегда и всего хотел слишком сильно. И отказывался понимать, почему это кораблику наплевать на его желания. Что нужно просто не мешать ему плыть. Самому. Ведь он давно хочет. Ему зачем-то нужно...

А еще Ав знал, куда нужно встать, чтобы его не могли найти его же собственные мысли. Где можно было бы спокойно стоять, дышать и даже шевелиться. Где не приходилось бы прятаться или прогонять их. Там нужно было просто стоять и тихо смотреть на эти самые мысли, радуясь тому, что ты можешь их не кормить...

Вот эта игра Марии понравилась. И она быстрее Михаэля догадалась, что любая мысль, которая к тебе приходит, пока ты стоишь у самого себя за спиной, не твоя.

— А чья же?, —

недоумевал Михаэль.

— Она того, на кого ты смотришь. Или не смотришь, но хо-

тел бы посмотреть. Может быть моя... Или его, — кивала Мария на Ава. —

— А может того человека, которого ты никогда в жизни не видел, и о ком ничего не знаешь, кто сидит себе сейчас дома в Ершалаиме и лопает арбуз или... В общем, чья захочешь! —

Михаэль долго не мог взять в толк, что это такое — просто подглядывание, на котором Мария и Ав помешались, или?... —

— Или!, — хитро улыбалась ему в ответ Мария. — Вот как захочу, так он и станет думать.

— Кто? —

хмурился Михаэль.

— Да кто угодно. Вон тот крестьянин, например. Или ты. Или все люди отсюда и до самого Рима!

— Дура сумасшедшая!, —

обычно так резюмировал заумь возмутительных измышлений Принцессы Михаэль.

— Ты правда считаешь, — допытывался он потом у Ава. — что все действительно будут думать, как ты захочешь? А может вы всё врете и просто учитесь подсматривать?

— А ты как хочешь? Чтобы это чем оказалось?, —

как всегда, напуская туману, отвечал Ав вопросом на вопрос. —

— Ну, хочешь, назови это подглядыванием..., —

и пускался в разглагольствования о том, что вообще-то своих мыслей у людей не бывает в принципе, что воля есть

только у самого слабого и, как правило, заканчивал муравьями. Идиот, одним словом. Болтун и бездельник!

Нет, они не стыдились очевидной ненормальности Ава. И по-своему любили его. Ведь набил же Михаэль морду придурку, что бросил в Ава гнилое яблоко, притом что тот был на три года старше Михаэля и выше на голову. Просто какой из Ава пират?... Так что мальчишке ничего другого и не оставалось, как выдумывать игры для самого себя. И, соответственно, играть в них в гордом одиночестве. Ничего удивительного, что, когда ему делалось совсем одиноко, к нему стала заглядывать Леонтина. Или когда он начинал болеть.

И всякие другие, кого Ав и не собирался звать, потому как не знал их, случалось, тоже к нему являлись. А вот сверстники никогда не приходили. Мария разве что по ночам... А во что ему было играть со взрослыми? Кстати, любопытная деталь: к Марии после первого же подсмотренного Авом ее детского сна, когда, проснувшись, он обругал себя ужасно неприличным словом и побежал купаться в ледяной ручей, тоже стала являться ее мать. И вообще, после их первой ночи она стала много чего уметь. Равно как и он. Совпадение? – Да нет. В общем, они молодцы, что не прозевали и не прожили без пользы тот возраст, когда у любого может начаться что-то интересное. Хоть и много по этому поводу потом переживали. Ну и в том еще повезло, что на пути им вовремя подвернулся Иосиф. Короче, удачно сошлось одно

с другим. Правильно звезды легли.

Ав, разумеется, уже знал, что ужинать его сегодня никто не позовет. Зачем обманывать себя? Он трижды за вечер умудрился уклониться от объятий того, что больше не пряталось, и понимал, что бесконечно это продолжаться не может.

– А что, если в самом деле?... Пока не так страшно... Сколько же можно?...

Но нет, не решился. Наверное, именно потому, что было не страшно. А вовсе не потому, что появилась надежда. Надежду он как раз первой от себя прогнал, по привычке, потому что она только мешает все делать чисто. То есть ничего не делать. Ведь нужно только шагнуть из себя...

Главное – что? – Не начать спорить. – Правильно!

Просить? – Просить кого? – Вот именно! – Глупость...

Драться? – Верх безрассудства. Тут ведь и правда уже ничего нельзя поделаться! И причем неважно – есть у тебя силы на драку или нет. Все дело в том, что, когда ты увидишь Ее лицо, – нечто совершенно для обычного человека новое, – он даже не поймет, до какой степени испугался. И вот, этот невидимый ему страх заставит его смотреть на все совершенно по-другому. Не так, как есть или может быть, а как хочет Она, чтобы он смотрел. Страх отучает трезво соображать. И ты даже не заметишь этого.

– Можно подумать, я сейчас все правильно вижу и трезво соображаю, – пробурчал умирающий Ав. – Я ведь даже

не знаю, кто я и где сейчас нахожусь.

Была, впрочем, одна тайна. Его собственный, ужасно важный секрет: Ав понимал, что он сейчас болен, что он уже ранен смертью и потому не может в эту минуту верить в то, что безжалостную гостью можно обмануть. А в этом ведь и таится сила Ее оружия: Она мастерски умеет показать, что все по-настоящему. И что по-другому быть не может. Только так, как хочет Она.

Ав каким-то образом помнил, – и это воспоминание Ей почему-то никогда не приходило в голову у него отобрать, – что прежде ему уже удавалось выскальзывать из Ее невеселых объятий. Вернее, не ему. Потому что каждый раз он честно отдавал Ей то, за чем Она приходила. Ведь такая гостья не может уйти без своей добычи.

– Ну так пусть Она и сейчас возьмет свое. Все, что Ей нужно. Что мне, ветхого тряпья для такой милашки жалко?

Он еще пробовал шутить. А что оставалось? – Ему ли было не знать, что обмануть смерть он сумеет лишь в тот случае, если удастся сохранить хладнокровие. Именно обмануть, избежав драки, а не втравившись в нее. Только неопытный дурачок, почувствовав приближающуюся к нему прохладную бледность, будет надеяться на победу с Ней в открытом столкновении. Собственно говоря, сама мысль с Ней побороться уже является свидетельством его поражения. Вот почему, увидев героические приготовления своей жертвы, Она начинает так радостно ей улыбаться. Сволочь! – Она

уже все про нее знает.

Хотелось бы, конечно... Просто так, из любопытства... Но нет – незачем на Нее смотреть. В другой раз. И слушать Ее не нужно. Как будто неизвестно, что Она скажет... А может?... – Нет! Не сегодня. Мария расстроится. Ругаться будет. Гавриилу еще пожалуется. А правда, где все?...

Бороться... Да это просто смешно! Ведь даже самые сильные, такие молодые и горячие... Все как миленькие становились перед Ней на колени. А сильные, кстати, первыми и ломаются. Потому как, впервые повстречав столь необычного врага, не знают, как с ним бороться. Не знают того, что с ним нельзя бороться. В этом Ее секрет. И силы, последние, к слову сказать, разумнее было бы употребить на то, чтобы Ее перехитрить. Вернее, себя. Известно же, что Ее главным оружием является способность отнять веру в то, что и это тоже – сон. Но кто запрещает из Ее сна тихонечко шагнуть в какой-нибудь другой. Не обязательно в свой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.